

О Любви Казарновской заговорили сразу после ее прихода в Московский музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, где 11 лет назад студенткой Московской консерватории она спела Татьяну — партию, в которой блистала потом на лучших оперных сценах мира.

Конечно, не всякой певице достается в мужа профессиональный импресарио. Но ведь без редкостных данных самой Любви Казарновской был бы невозможен ошеломляющий успех ее Дездемоны в «Ковент-Гардене», графини Альмавивы на фестивале в Зальцбурге, удачный дебют в Испании и Германии, где она спела Елизавету в «Дон Карлосе» Верди...

Впрочем, пусть певица и ее муж, вице-президент компании «Европа — Америка», менеджер Роберт Росник расскажут обо всем сами.

— Люба, вы приехали в Москву на фестиваль русского классического балета и оперы. Но ваше участие в нем не ограничивалось выступлением на сцене первого в вашей жизни театра, где проходил фестиваль.

— Да, в Москве я стараюсь готовить все свои новые работы. Здесь мой концертмейстер Любовь Орфенова и консерваторский педагог Елена Шумилова, с ними я разучиваю несколько больших партий, в том числе Елизавету из «Дон Карлоса».

— На Западе у вас нет своего педагога?

— Там несколько иное отношение к певцам. С ними никто не носит — выучил партию и до свистания.

— Накануне фестиваля не прекращались разговоры, придет ли Казарновская. У вас были какие-то сомнения?

— У нас с мужем была идея, которая, вероятно, себя все же не оправдала: мы хотели помочь театру и певцам, продав за валюту билеты на лучшие спектакли. Театр отчаянно нуждается в помощи. Но вместо этого возникло нечто, напоминающее «черный» рынок. Счет для перечисления валюты почему-то дали американский. Нам постоянно угрожали, к моему мужу подходили рэкетеры и требовали денег. Австрийская сторона уже перевела часть денег театру — 62 тысячи долларов, скоро поступит остальная. Но что из них достанется артистам, я просто не знаю. Несмотря на все это, я решила спеть запланированный концерт. Ведь публика ни при чем.

— Вы стали первой русской певицей, которая исполнила партию графини в «Свадьбе Фигаро» Моцарта на знаменитом фестивале в Зальцбурге.

— Я пела в спектакле режиссера Михаила Хампе, который долгие годы вместе с Гербертом фон Караяном работал над операми Моцарта. Моя графиня имела успех во многом благодаря ему. Надо сказать, что стиль Моцарта совершенно особый, Верди — это совсем другое, а русские оперы — третье. К сожалению, не все режиссеры это понимают. К примеру, в прошлом году я готовила Марию в «Мазепе» Чайковского в Английской национальной опере с режиссером Ричардом Джонсом. Это было большое разочарование. Прихожу на первую репетицию и вижу пустую сцену, по которой проложены трамвайные рельсы. Режиссер объясняет, что так будет поставлена вторая картина — казнь Кочубея, ему отрежут голову трамваем. В общем, смесь из «Мастера и Маргариты», и набоковской «Лолиты» (в одной сцене Мария раздевалась до гола).

— На Западе много оперных режиссеров?

— Засилье. Зависимость певца от постановщика — отдельная проблема. На репетициях тот же Ричард Джонс не уставал повторять: «Секрет оперного театра в том, что написанное композито-

ЛЮБОВЬ КАЗАРНОВСКАЯ: СИЛА СУДЬБЫ

ром надо петь наоборот». Зачем же меня восемь лет учили, как понимать стилистику композитора, музыкальную драматургию, если все наоборот?

— Тем не менее есть постановщики, с которыми вам хотелось бы работать?

— Есть один интересный режиссер американец Джон Дю. У него в спектаклях («Фауст», «Симон Бокканегра») нет эклектики, когда костюмы из одной эпохи, а декорации из другой. Артистов он заставляет думать, что, согласись, на сцене не так легко.

— Ваши певческие кумиры?

— Абсолютный пример для подражания — Леонтина Прайс. На сцене она была невероятно скупа пластически — все выражала пением. Сейчас ей за 60. Недавно она пела в Карнеги-холл: блестящее владение голосом. Другой кумир — Мирелла Френи. Ей 57 лет, певица в великолепной форме, одна из ее последних партий — Лиза в «Пиковой даме». Потрясающее чувство стиля.

— А среди русских певцов?

— Образцова! Мои консерваторские годы выпали на время расцвета Елены Васильевны, я ходила почти на все ее концерты и очень многое почерпнула.

— Из трех театров, в которых вы работали в России — имени Станиславского и Немировича-Данченко, Кировский и Малый оперный в Ленинграде, — какой вам ближе всего?

— Первый остался в моем сердце навсегда. Я ушла оттуда из-за ограниченности репертуара. Там не ставилась западная классика — оперы, в которых я чувствую себя как рыба в воде.

Юрий Темирканов пригласил меня в Кировский театр. Впервые я спела тогда «Силу судьбы» Верди, дирижировал Евгений Колобов. Эти два музыканта необычайно много мне дали. В Кировском же я работала с Борисом Покровским в «Годунове», пела Марину (сопрановая версия). Покровский умеет вытащить из тебя все, что ты можешь и не можешь. Гений.

— Вы много концертируете. Что вам ближе — концертная сцена или театр?

— Театр, конечно. Я верю в романтическую силу оперы. К тому же я домохозяйка, устаю от самолетов, гостиниц, новых людей. Я считаю, что идеальным условием для певца является смешанная контрактная система, которую пробовала сделать Венская опера. С одной стороны, ты не очень привязана к театру и можешь гастролировать. С другой — получаешь возможность работать с опытными и известными певцами. Наконец, у тебя как бы есть постоянная работа. Надеюсь и мечтаю, что моим базовым театром станет Венская опера.

— Говорят, ваша успешная карьера, я имею в виду за рубежом, сложилась благодаря мужу.

— А я и не отрицаю. Можно быть козырным тузом и всю жизнь пролежать в колоде. Здесь я слышала со всех сторон: очень интересная певица. Получаю приглашение на фестиваль — едет другая. А я, мол, занята в основном репертуаре. Так ответили и Роберту, когда он впервые прислал мне приглашение.

— А как вы познакомились?

Роберт Росник:

— Это очень занятная история. В начале 1989 года я приехал в Москву, чтобы найти такую певицу Казарновскую, о которой было столько наслышан. Мы встретились на концерте и договорились о прослушивании в Венской опере, Цюрихе, Амстердаме, Кельне. Люба прилетела, и роман завязался очень быстро. У нас было 8 дней на прослушивание и знакомство Любы с Гербертом фон Караяном. В промежутке мы решили пожениться и честно намеревались зарегистрироваться в Ленинграде. Но в загсе нам сказали, что брак будет оформлен примерно через год. Я поблагодарил, и мы подали заявление в венский магистрат.

Л.К.:

— Я должна была отвечать на вопросы по-немецки. Но ведь «ни слова, о друг мой, ни звука...» Роберт предупредил, что в нужный момент он толкнет меня локтем и я скажу «Иа». Но когда Роберта спросили, согласен ли он взять меня в жены, он разволновался и, вставая, задел меня. Я вскочила и громко сказала: «Иа». Глава магистрата, переждав, пока затихнет смех, заключил: «Ну, я уже понял, что вы очень хотите замуж».

— На сцене вы чувствуете себя более уверенно.

— На сцене я каждый день, а замуж выходила впервые.

— Люба, вы были одной из последних певиц, с которой работал Герберт фон Караян. Как это было?

— 8 марта 1989 года меня пригласили в Зальцбург на прослушивание. Когда я узнала, что слушать будет Караян, подумала, что потерю голос, едва его увижу.

Маэстро репетировал «Тоску». Его огромная седая голова царил над залом. Вдруг слышу: «Где русская певица?» Когда я запела Амелию из «Бала-маскарада», Караян дал знак фотографу: снимать. У нас сохранились эти фотографии. Затем Караян попросил спуститься к нему в зал. От волнения я не заметила режиссерского мостика и долго блуждала по залу. Наконец подошла, Караян взял меня за руки и спросил: «Что вы делаете этим летом?» — «Ничего». — «Вы можете петь со мной Реквием Верди?» У меня сердце ушло в пятки.

Но пела я уже в его честь. За дирижерским пультом стоял Риккардо Мути. 16 июля 1989 года мы пришли на репетицию, а на фестивальной здании уже был вывешен черный флаг.

Это был удивительный, светлый человек. Те, кто с ним работал, запомнят его уроки на всю жизнь. Для тех, кого он любил, Караян не жалел ни сил, ни времени. Маэстро любил повторять, что голос должен парить над оркестром, как облако.

— Вас никогда не приглашали в Большой?

— На тех условиях, что приглашали, не было смысла идти. Я «попевала» там — в «Февронии», «Иоланте», «Паяцах». А я хотела работать. В Большом надо было быть акулой, чтобы выжить.

— Как сейчас относятся к русским певцам за границей?

— Певческий рынок перенасыщен. В Америке и Италии просто объявлен бойкот иностранным певцам.

— Из Москвы вы направляетесь к себе в Вену?

— Мы едем в Петербург. 25 сентября у меня концерт в филармонии с Владиславом Чернушенко: первое отделение русское, второе — западное. А потом в Испанию — репетиции «Трубадура», Гамбург — «Дон Карлос».

— Не собираетесь снова в Москву?

— Конечно. Мне бы очень хотелось спеть в Большом зале консерватории, моей альма-матер.